

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ЛиМКК
_____ Л.В. Куликова
« ____ » _____ 2016 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ЯЗЫКОВОЕ ПОЛЕ ЭГОЦЕНТРИЗМА В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
НАУЧНЫХ СТАТЕЙ)**

Выпускник

А.А. Канзычакова

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц. О.А. Прохорова

Нормконтролер

М.К. Мжельских

Красноярск 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЭГОЦЕНТРИЗМ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ДИСКУРСА	7
1.1. Антропоцентрический подход к исследованию дискурса	7
1.2. Понимание «эго» и эгоцентризма	12
1.3. Научный дискурс: понятие, типология, характеристика.....	21
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	31
ГЛАВА 2. ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭГОЦЕНТРИЗМА В ТЕКСТАХ НАУЧНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ)	33
2.1. Модели употребления личных местоимений «we» и «I»	33
2.2. Способы выражения авторской модальности в научных текстах	38
2.1. Синтаксические конструкции и непрямые эгорепрезентаторы....	41
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	49
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	54

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентричный подход к изучению языка на сегодняшний день можно считать общепризнанной: человек играет самую важную роль в построении языка. Данная научная парадигма, сложившаяся не так давно, выявила новые задачи в исследовании языка, следовательно, появилась нужда в новых методиках его описания, новых подходах при анализе его единиц, элементов, категорий, правил. Идею антропоцентризма в лингвистике можно достаточно хорошо проследить в тексте. Именно в нем коммуникативная деятельность человека находит свое отражение. Помимо этого, в тексте совмещаются эмоционально-экспрессивные, структурные, социально-психологические, семантические свойства языка, там же реализуются и получают свой истинный смысл разные стороны языка. В своей работе мы решили описать один из феноменов антропологической парадигмы языка – категорию эгоцентризма. В последнее время, рассматриваемый нами феномен достаточно активно привлекает внимание специалистов из различных сфер науки, таких как: культурология, культуроантропология, психолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, социология, социальная философия. По нашему мнению, несмотря на то, что содержание работ этих областей, бесспорно, различно, данные исследования объединяет то, что они рассматривают социальное поведение человека в различных ситуациях и условиях его жизнедеятельности. Кроме того рост внимания к проблеме эгорепрезентации автора в тексте в 21 в. объясняется, по нашему мнению, не только усилением интенсивности межкультурных коммуникаций в условиях глобализации, но и осознанием первостепенности ее роли в жизнедеятельности личности, как обязательной составляющей на протяжении всей жизни человека. Именно такой широкий подход к определению понятия «эгоцентризм» позволяет, по нашему мнению, понять его сущность, определить систему психологических категорий, раскрывающих его содержание, его психологические детерминанты. В своей работе я бы хотела

рассмотреть эгоцентризм в научном контексте, выявить его особенности и характеристики. Языковая личность и дискурс неразрывно связаны друг с другом, так как дискурс на современном этапе развития лингвистики представляется как «связный текст, который рассматривается в совокупности с экстралингвистическими факторами» [Арутюнова, 1991: 54].

Научный дискурс не остался незамеченным, и данному типу дискурса были посвящены много работ. Нельзя не отметить, что внимание исследователей чаще всего цепляют особенности текстов общей научной направленности. Универсальные и специфические свойства текстов естественных и гуманитарных сфер находятся на границах интересов самих исследователей. Специфика дискурса, обусловленная психологическими и социокультурными особенностями автора научного текста, представляет собой наименее изученный аспект текстовой проблематики. Феномен эгоцентризма был выделен как особая категория дискурса, поэтому исследование производителя научного текста выходит на первый план нашей работы. На сегодняшний день феномен эгоцентризма в научных текстах остается малоизученным, и именно эта причина в достаточно прозрачном разграничении особенностей данного феномена определила **актуальность** нашей работы.

Объект исследования – категория эгоцентризма в англоязычном научном дискурсе.

Предмет исследования - явные и скрытые языковые средства, выражающие присутствие автора в научном тексте.

Материалом для данного исследования послужили юридические научные статьи на английском языке журналов издательства SAGE в количестве 23 единиц.

Цель работы состоит в выявлении и описании комплекса языковых средств, представляющих феномен эгоцентризма.

Постановка данной цели подразумевает реализацию ряда конкретных **задач**:

1. Охарактеризовать антропоцентричный подход к исследованию научного дискурса;
2. Описать и выделить особенности понятий «эго» и «эгоцентризм»
3. Рассмотреть типологию и выделить языковые особенности научного дискурса;
4. Определить специфику функционирования языковых средств в англоязычном научном дискурсе.

Методологической основой работы послужили лингвистические анализы и труды отечественных и зарубежных специалистов в таких областях языкознания, как антропологическая лингвистика и теория текста, дискурсивный анализ, теория речевых актов и прагматика.

Степень разработанности выбранной темы исследования. Проблема научного дискурса изучена мало, но, тем не менее, в результате исследований данной области были получены важные результаты, которые мы используем в нашем исследовании. Наиболее известными исследователями в этой области являются такие ученые, как Карасик В.И., Болдырева А.А., Кашкин В.Б., Чернявская В.Е. Проблема исследования категории эгоцентризма лежит в основе современной антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания. В своей исследовательской я также опираюсь на труды В. фон Гумбольдта, одним из первых разработавшего проблему субъективности в языке; Э.Бенвениста, а именно на его концепцию «человек в языке»; Ю.С.Степанова, обозначившего лингвистику, как науку о языке в человеке и о человеке в языке; В.А.Звегинцева, определившего человека как основную и важнейшую величину в лингвистике. В данной работе также используются идеи антропоцентрической и эгоцентрической концепций, представленные в трудах Н.Д.Арутюновой, Г.И.Берестнева, К.Бюлера, В.А.Гуреева, А.В.Кравченко, Е.С.Кубряковой, Дж. Лайонза, Б.Рассела, Ю.С.Степанова, Р.О.Якобсона и др.

В работе применялись следующие методы: описательный, контекстуальный, текстовый и дискурсивный анализы.

Теоретическая значимость состоит в систематизации языковых средств, лежащих в основе эгоцентрического феномена, а значит в расширении и более глубинном понимании теории языкового эгоцентризма.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов при разработке курсов по лингвистике текста, теории языка, риторике, стилистике. А также они могут способствовать изучению эгоцентризма в других аспектах пограничных с лингвистикой наук.

Апробация работы. Основные положения и выводы данной работы были представлены на конференции «Молодежь и наука: проспект Свободный – 2016».

Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников.

Во введении содержится обоснование актуальности исследования, ставятся цели и задачи, определяются методы, объект и предмет работы.

Первая глава посвящена рассмотрению лингвистической литературы в соответствии с задачами теоретической части данной работы. Изучаются термины «эго» и «эгоцентризм», выделяются некоторые характеристики и особенности научного дискурса.

Во второй главе анализируются специфические языковые особенности научного дискурса, выявляются основные лексические и грамматические конструкции, лежащие в основе эгоцентризма и отражающие присутствие автора в научном тексте.

В заключении подводятся общий итог, и намечаются дальнейшие перспективы исследования, библиографический список насчитывает 74 источника.

ГЛАВА 1. ЭГОЦЕНТРИЗМ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ДИСКУРСА

1.1. Антропоцентрический подход к исследованию дискурса

Из научной литературы известно, что дискурс – это текст в совокупности с экстралингвистическими, то есть социокультурными, прагматическими, лингвокультурными, психологическими и другими факторами; текст в событийном аспекте; речь, представляющая собой цель, направленное на социальное действие, компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Рассмотрим его сущность с точки зрения антропоцентрический подхода.

Появление в конце 20-го века проблемы «лингвистической интерпретации человека» привело к более тесному взаимодействию лингвистики с другими антропоориентированными дисциплинами и последующему проникновению лингвистической информации в другие сферы знаний. Этот процесс способствовал актуализации в научном пространстве лингвистики текста, семиотики, лингвопрагматики, теории коммуникации и межкультурной в частности, теории перевода, теории дискурса, методологическая база которых строится с учетом таких экстралингвистических факторов, как развитие средств коммуникации, связи, информационных технологий, глобализации, универсализации и т.д.

Очевидно, что такая парадигма подходов потребовала решения целого ряда теоретических и практических вопросов, связанных с разграничением понятийного аппарата, описанием методологических и лингвистических основ, разработки концептуального и терминологического метаязыка. Интегративная сущность лингвистической теории текста, коммуникации, лингвистики дискурса, а в нашем случае – и теории перевода, требует установления дифференциального объекта их исследования, а именно уточнения самого термина «дискурс».

Впервые появившись в контексте прагматического описания функционирования языка во второй половине 20-го столетия, термин «дискурс»

трактовался с учетом различных теоретических подходов, получая свое дальнейшее распространение, однако, и сейчас не существует общепризнанных дефинитивных параметров дискурса, которые полностью раскрывали бы его сложную когнитивную иерархию и коммуникативную специфику.

Регистр значений термина «дискурс» изменялся в соответствии с развитием лингвистической семантики текста. С точки зрения семиологического подхода к изучению языка понятие «дискурс» осознавалось вторым маркированным членом сосюровской оппозиции «язык – речь» с акцентом на получателя сообщения.

Родоначальником современной теории дискурса по праву считается голландский ученый Т. ван Дейк, который на основе работ Лакоффа, Филмора, Серля в области лингвистической прагматики установил существование не только связанной последовательности предложений как семантической макроструктуры текста, но и связанной последовательности речевых актов – как прагматической макроструктуры текста. По сути Т.ван Дейк наметил интегральную связь языка – речи (текста как ее материального проявления) – коммуникативной ситуации и получателя, адресата.

В то время трактовка термина «дискурс» сводилась к понятию сети эквивалентности между фразами или «цепочками фраз как высказываний, сверхфразовых единиц...и связанной с ними ситуации», «связной последовательности предложений или речевых актов». Таким образом, термин «дискурс» впервые был вписан в социальный контекст функционирования языка.

Пожалуй, наличие именно социального контекста или коммуникативной ситуации как основополагающего критерия идентификации дискурса не вызывает сомнений в рамках современного подхода к изучению этого явления. Действительно, большинство отечественных и зарубежных ученых согласны с тем, что «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста». В широком

понимании термин «дискурс» используется при обозначении различных видов речевой деятельности, осмысление которых происходит с учетом всех языковых факторов.

В основу современных описаний дискурса положено разнообразие теоретических и методологических подходов, отражающих концептуальность этого термина для исследований в области лингвопсихоментальной деятельности человека. Так, дискурс как следствие открытости языковой системы, проявляющейся во взаимодействии знакового и реального миров, представляется Т. ван Дейку «коммуникативным событием», американской исследовательнице Д.Шиффрин – интегративными устными и письменными высказываниями, взятыми в отдельном контексте.

Несомненно, в этих суждениях заложен коммуникативный аспект понимания дискурса. Это даёт основания рассматривать дискурс как коммуникативную ситуацию, интегрирующую текст с другими ее составляющими. И, поскольку речь идет преимущественно о коммуникативной ситуации, коммуникативном «модусе дискурса», как его дифференциальном признаке, подразумевается, наряду с текстом, и наличие субъекта высказывания, адресата, момент и определенное время ситуации.

Обязательное наличие в дискурсе актантов коммуникации – адресанта и адресата – актуализирует тексто-дискурсивную категорию адресованности, которая, в свою очередь, детерминирует лингвистические механизмы дискурса. Адресованность рассматривается как текстовая категория, отражающая в семантике и структуре текста его опредмеченную направленность на адресата коммуникации, которая задает тексту определенную интерпретационную модель как семантическая база текстовой рецепции. Подобная направленность на адресата характерна для дискурса в целом.

С точки зрения категории адресованности концептуальный лингвистический каркас дискурса формируется на основе когнитивных и коммуникативных механизмов. Коммуникативные механизмы выражаются в использовании тех или иных коммуникативных стратегий и тактик, «моделей

ситуаций», необходимых адресату в качестве основы интерпретации текста. Когнитивные механизмы включают в себя аспекты ментального понимания дискурса, которые служат своеобразным «триггером», запускающим и направляющим процесс когнитивной обработки текста адресатом. Коммуникативная направленность дискурса, его адресованность, позволяет привлечь к его изучению множество собственно коммуникативных, социальных и других экстралингвистических факторов.

Один из концептуальных подходов к изучению дискурса связывают с объединением в дискурсе вербальных и невербальных компонентов, соотношение которых предопределяет разграничение в дискурсе собственно текста как языкового, вербализованного, материального компонента и невербальных единиц, связанных с интерпретационным базисом адресанта/адресата, который охватывает социокультурные, этнопсихологические, прагматические и другие составляющие.

С точки зрения лингвистической прагматики вербальные и невербальные компоненты имеют разные потенциалы воздействия с прогнозируемой эксплицитной и имплицитной формами актуализации и могут быть отнесены в регистр, соответственно, коммуникативных и когнитивных лингвистических механизмов дискурса.

Таким образом, дискурс как коммуникативный процесс отражен формулой «текст и действие». В этом отношении примечательным в дискурсе с прагматической точки зрения будет коммуникатор или адресант и текст, смоделированный в расчете на модель мира аудитории, а не на индивидуального реципиента. Реально коммуникатор (адресант) передает не сообщение, информацию, а «ключ», приводящий в действие психологические механизмы социума, которые максимально соответствуют запрограммированной им модели поведения.

Рассмотрев определение и основные особенности научного дискурса, изложим сущность антропоцентрического подхода к его изучению. Генезис данного подхода был инициирован в конце XX века – в период, когда

произошла смена научной парадигмы в современном языкознании. Данный период Е.С. Кубрякова охарактеризовала так: «взамен требования изучать систему или структуру языка выдвигается требование изучать языковую способность идеального говорящего/слушающего, его языковые знания, его компетенцию». В начале 21 века центральные позиции в языкознании занимают коммуникативная (в полном объеме ее направлений – антропонимического, когнитивного, этно-, психо-, -этноциолингвистического, функционально-семантического и лингвопрагматического, или парадигм) и когнитивная парадигмы, ставящие целью раскрыть основные отношения между языком и мыслящим человеком, что дает возможность включать речевое (дискурсивное) поведение в интерактивную картину языка, мышления и поведения человека.

Многообразие коммуникативных форм речевого поведения, языковая манифестация набора своих ролевых исполнений субъектами общения и ожиданий, связанных с их реализацией при обмене информацией, различные варианты взаимоотношений между участниками согласованного общения и других ситуаций речевого взаимодействия, а также особенность норм и правил поведения собеседников, от которых отталкивается согласованная речевая коммуникация, «формируя регулятивный своеобразный мир» в виде особых единиц – регулятивов», делают ее изучение одной из самых сложных и актуальных проблем в науке о языке на сегодняшний день.

Языковая личность обычно рассматривается как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются:

- а) степенью структурно-языковой сложности;
- б) глубиной и точностью отражения действительности;
- в) определенной целевой направленностью», наиболее актуальным и логичным представляется рассмотрение языковой личности через анализ текстов ею создаваемых.

Антропоцентрический подход к изучению языка дал возможность использовать достижения наук граничащих с лингвистикой, и обеспечил возможность оценки всех сторон языковой личности в рамках человеческого речевого поведения. Лингвопрагматический подход, сочетающий в себе такие виды анализа языкового общения в конфликте, как семантический, прагматический и когнитивный, позволил определить особые лингвистические причины и следствия разновидностей дискурсов.

Таким образом, антропоцентрический подход диктует необходимость строить рассуждения именно от личности, от частных реализаций дискурса, так как в противном случае есть опасность «оторваться» от самого субъекта и объекта общения. «Антропоцентрический характер современной лингвистики обусловил интерес к «среднему носителю русского языка», который одновременно является и объектом (воспринимающим чужие нормы и установления), и субъектом (создающим прецеденты, влияющие на изменение норм) современного языкового процесса».

1.2. Понимание «эго» и эгоцентризма

Эгоцентрическая концепция языка тесно связана с антропоцентрической, и, в первую очередь, ориентирует язык на субъект речи и на его «я» («эго»). Учитывая, что лингвистические исследования «эго» не являются традиционными, в этой работе необходимо указать концептуальные определения данных понятий на основе существующих трактовок.

Общеизвестно, что «эго» (я) – это одно из самых сложных и неоднозначных понятий в системе знаний о человеке. В лингвистику данное понятие пришло из философии и психологии, где в течение долгого времени находилось в центре внимания исследователей.

Поэтому, в философии существовало огромное количество взглядов на концепт «я» или «эго». В этой науке все взгляды сводились к тому, что каждый из нас представляет собой «я», или существо разумное, все наши

психологические состояния это также состояния этого «я», каждый из нас имеет определенное знание своего «я» и его состояний. Такое понимание я («эго») было впоследствии развито и уточнено различными авторами в разных аспектах. Так, для Д. Юма, Б. Рассела, Л. Витгенштейна «я» представляет собой «пучок различных восприятий» [Кемеров, 1998:86]

Каждая область науки дает свое понятие «я» (эго) и эгоцентризма, которые включают в себя основные концепты.

В философии 20 в. в центре внимания находилась идея, что я - тот, кто действует, и вместе с этим я — это центр знания, тот, кто владеет знанием. Я («эго», Self) — это в первую очередь, действующий, агент, актер; во втором случае, это центр инициативы или, сущности личности, источника ее активной деятельности; в-третьих, ментальные репрезентации личности, ее самосознание, ее представление о себе. В целом в философии «эго» (я) понимается как «непосредственно мне данная целостность моей индивидуальной жизни. Я воспринимаю себя как центр моего сознания, как то, кому принадлежат мои мысли, желания, переживания. В то же время я - это единство моей индивидуальной биографии, это то, что гарантирует мою самоидентичность. Наконец, я - это то, что управляет моим телом, это инстанция, обеспечивающая свободное принятие моих решений и несущая ответственность за их осуществление и последствия» [НФЭ, 2001].

В психологии — немного отличное понимание от философского я («эго») как центра, стержня, сущности личности, здесь данный термин используется, как правило, для обозначения реалистических и рациональных функций того компонента личности, который соприкасается с внешним миром и его практическими требованиями, то есть «я» лежит в основе способности людей решать проблемы, воспринимать, рассуждать,. В лингвистике под «эго» понимается «(от лат. ego - я) - направленность на собственное я», то есть автор текста указывает на самого себя; обозначает себя как личность [Большой толковый словарь, 2000].

Осуществляя познавательную деятельность, я может быть как субъектом восприятия, так и субъектом (агеном) деятельности, в том числе и речевой. Когда я выступает в роли субъекта (агенса) деятельности, то параллельно с ней оно выполняет функцию восприятия своей собственной активности, рассматривая ее как бы со стороны. В последнем случае, по мнению Г.И.Берестнева, происходит отчуждение объективированного я от я неизменного как субъекта восприятия, то есть в сознании человека существует так называемое истинное «я» (архетип) и выработанные в процессе биологического и социального существования «обыденные» репрезентации «я» [Берестнев, 2000:96]. Архетипичное «я» можно считать временным (темпоральным, эмпирическим), обыденное - атемпоральным. Как писал Б. Рассел, «человек есть нечто отдельное не только по отношению к другим людям, но и по отношению к своему собственному прошлому и будущему» [Рассел, 2000: 54].

Основой в данном случае является не просто какой-то абстрактный человек, а его индивидуальное я. Человек воспринимает окружающий мир, категоризирует и концептуализирует его.

В антропоцентрической парадигме лингвистики понятие «эго» (я) соотносится с понятием субъект, который выводится на первое место, а язык считается его важнейшей характеристикой. Как отмечает Э.Бенвенист, субъективность «есть не что иное, как проявление в человеке фундаментального свойства языка. Тот есть эго, кто говорит эго. Мы находим здесь самое основание субъективности, определяемой языковым статусом лица» [Бенвенист, 1974: 27].

В исследовательской работе в рамках данной проблематики «эго» (я) рассматривается как субъект дискурсивной деятельности и как языковая личность.

В разных областях науки понятие эгоцентризма также определяется по-разному.

Например, в психологии эгоцентризмом понимается как «(от лат. ego - я и centrum - центр круга) отсутствие способности индивида, делая акцент на своих собственных интересах, переживаниях, как либо изменить исходную познавательную позицию по отношению к мнению, объекту или представлению даже находясь перед противоречащей его опыту информации» [Березин, 2002:13]. Кроме этого, в психологии представления об эгоцентризме прочно связаны с психическим развитием ребенка на ранних этапах и развитием человека в целом. Концепция «я» представляется как «уникальная система представлений индивида о самом себе, отталкиваясь от которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к самому себе» [Березин, 2002: 13].

В политической сфере психологии эгоцентризм - это мировоззрение, ставящее в центр всего индивидуальное «я» человека; одна из форм индивидуализма и эгоизма.

Обыденное понимание эгоцентризма и соотнесение его с эгоизмом представляет особый интерес для концептуального осмысления данного понятия в лингвистике. Для эгоиста, как известно, мир состоит из двух частей: он сам главный и единственный в своем роде, и все остальные, «не-я». Именно на этом обыденном противопоставлении я всему, что определяется как не-я, основывается концепция языкового эгоцентризма. Следует отметить, что для эгоцентрической теории языка центральным также является понятие Я (эго). Кроме того, эгоцентрическое поле языка составляют языковые единицы, функционально ориентированные на субъект речи, в первую очередь, на его я.

Языковой эгоцентризм, по мнению В.Гуреева, может рассматриваться с двух сторон. «В широком смысле он представляет собой взгляд на язык как результат эготворческой деятельности человека. В узком смысле он ориентирован на ситуацию речевого общения, на ее участников и их роли — с я как субъектом речевой деятельности и ориентирован на позицию наблюдателя» [Гуреев, 2005: 73].

Нельзя не отметить, что бюлеровская система координат субъективной ориентации тесно связана с развитием теории языкового эгоцентризма. К Бюлер полагал, что абсолютно любое речевое событие или акт речи характеризуются, в первую очередь, присутствием собственно субъекта, то есть отправителя речи, и субъекта восприятия речи, а именно получателя. Проводя анализ речевого акта, К. Бюлер дает ему определение как «сложное человеческое действие... Будучи участником этого действия, отправитель не только занимает определенное положение, но и выполняет роль отправителя, совершенно противоположную роли получателя» [Бюлер, 1993: 55]. Отправитель тем самым в речевом акте манифестирует себя, указывая на себя как Я, и на адресата как на ты. Отсюда следует, что местоимения «ты» и «я», по К. Бюлеру, являются указательными словами.

Предложенные Б. Расселом эгоцентрические слова несколько отличаются от указательных слов К. Бюлера. Под эгоцентрическими словами Б. Рассел понимает те слова, «значение которых изменяется с переменной говорящего и его положения во времени и пространстве» [Рассел, 2000: 91]. К основным эгоцентрическим координатам я, здесь, сейчас Б. Рассел также относит теперь, близко и далеко, прошлое, настоящее и будущее; было, есть и будет, формы глаголов, изменяющихся по временам. Этот и тот также являются эгоцентрическими. То есть, к эгоцентрическим словам Рассел относит все указательные слова, значение которых зависит и меняется в зависимости от я.

Проводя анализ класса индексальных символов (личных местоимений), Р. Якобсон отводит особое место знаку «я». Знак «я», по Якобсону, определяется как лицо, которое говорит «я». Следовательно, с одной стороны, знак «я» не может обозначать свой объект, не относится по отношению к нему по «условно принятому правилу», и в разных языках это же значение закреплено за такими разными последовательностями звучаний, как I, ego и т.д. из чего следует, что «я» - это символ. С другой стороны, знак «я» не может обозначать свой объект, «не находясь с ним в реальной связи: слово «я», обозначающее говорящего,

реально связано с высказыванием и, следовательно, функционирует как индекс» [Якобсон, 1972: 81].

По концепции Э.Бенвениста, как особый класс указательных единиц, местоимения получают совершенно другую, новую трактовку. Выявляя статус личных местоимений, Э.Бенвенист делает акцент на особый статус личного местоимения «я». Все дейктические указатели, такие, как указательные местоимения, прилагательные, наречия, включая в себя временные и пространственные отношения вокруг субъекта, находятся, по его мнению, в зависимости от «я», языковой личности, говорящего, высказывающегося в данном акте. Высказывание, включающее в себя «я», принадлежит к тому уровню языка, который он определяет как прагматический и который содержит также, наряду со знаками, тех, кто ими пользуется. Абсолютно каждый речевой акт или высказывание употребления имени референцируется с постоянным и «объективным» понятием. Но речевые акты, употребляемые с «я», не образуют общего класса референций, т.к. «объекта», определяемого в качестве «я», с которым могли бы идентично соотноситься эти акты, не существует [Бенвенист, 1974: 43]. «Я», по мнению Э.Бенвениста, может быть определено исключительно в речевом акте. «Я» значит «человек, который производит данный речевой акт, содержащий я» [там же]. Поэтому, «я» не идентифицируется иначе как посредством речевого акта, который его содержит. Оно действительно только в том единовременном речевом акте, в котором оно производится. Следовательно, обобщенное местоимение «я» определяется следующим образом: «Я — это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы я» [Там же].

Только в противопоставлении осознаётся свое личное «я». Я могу употребить «я» только при обращении к кому-либо, кто в моем обращении предстанет как «ты». По той причине, что каждый говорящий представляет себя в качестве субъекта, указывающего на самого себя как на «я» в своей речи, язык возможен [Там же].

Исходя из этого, Э.Бенвенист выделяет, что местоимения имеют свои личные характеристики и отличаются от всех других обозначений, которые оформляются с помощью языка, тем, их нельзя соотносить ни с понятием, ни с индивидом. Следовательно, отмечает он, «нет понятия «я», объемлющего все «я», произносимые в каждый момент всеми говорящими. «Я» не обозначает никакой лексической сущности. «Я» не соотносится как референт ни с каким определенным индивидом [Там же]. Отмечая отличие местоимения я от всех других обозначений, Э.Бенвенист соотносит его с классом «пустых» знаков, свободных от референтной соотнесенности с реальностью, всегда готовых к новому употреблению и становящихся «полными» знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи. Именно в акте речи, где «я» обозначает говорящего, последний и выражает себя в качестве субъекта [Там же].

В своей концепции о референциальных свойствах местоимений О.Н.Селиверстова разделяет положение Э.Бенвениста о том, что местоимения представляют собой знаки определенного типа и что функции личных местоимений заключаются как в указании на роль в акте речи, так и в представлении говорящего или слушающего как индивида, взятого в его единовременности, однако она не поддерживает положения о том, что знаки «я» и «ты» не имеют лексического значения. О.Селиверстова подчеркивает, что семантическое своеобразие местоимения «я» заключается в том, что это местоимение «всегда показывает, что актант ситуации представлен как личность, и эта личность тождественна самому говорящему» [Селиверстова, 1988: 49]. В данном исследовании я также, соотношу «я» с субъектом, языковой личностью, с самим говорящим.

Развитие теории языкового эгоцентризма также можно проследить в исследованиях Ю.С.Степанова, в частности, в его теории дектики. В ней автор рассматривает философию эгоцентрических слов как своеобразное выражение прагматического подхода к языку. Термин «дектики» используется для обозначения отношения языка к говорящему, т.е. я [Степанов, 1985:67].

Сущность эгоцентризма, по мнению Ю.С.Степанова, заключается в том, что «автор текста самым актом своего утверждения как «я» присваивает имя «я», допускающее переменные референты для обозначения себя и только себя, тем самым присваивает себе весь язык, накладывая на него координаты того времени, когда и где он говорит или же выражает свою речь на письме» [Степанов, 1985: 80].

Ю.С.Степанов также как и К. Бюлер и Б. Рассел относит координату я-здесь-сейчас к основной эгоцентрической координате. В данной триаде главенствующее положение он отводит координате «я», остальные же ориентированы на эту координату.

Нельзя оставить без внимания мнение А.В. Кравченко, который рассматривает эгоцентричность, дейктичность и индексальность в рамках теории указательности, отмечая при этом «что содержательное отличие дейксиса от эгоцентризма зачастую бывает очень трудно определить» [Кравченко, 1992: 43]. Слова я, ты, этот, тот, по мнению А.В.Кравченко, называются эгоцентрическими элементами потому, что интерпретация их значения предполагает учет фигуры говорящего: «я» - «тот, кто сейчас говорит», «ты» - «тот, кому я говорю», «этот» - «близкий по отношению к говорящему», «тот» - «далекий по отношению к говорящему» и т.д. [Кравченко, 1992: 58]. Сопоставление значений этих слов показывает, что они образуют противопоставления по разным признакам (я и ты - по признаку «отправитель-получатель», этот и тот — по признаку «близкий - далекий» и по симметричному смысловому признаку «будущее - прошлое»). А.В.Кравченко считает, что «анализ значения эгоцентриков должен основываться на учете трех взаимосвязанных категорий — лица, места и времени [Там же].

Своеобразным обобщением эволюции теории языкового эгоцентризма выступает статья В.А.Гуреева «Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания», в которой автор утверждает, что «эгоцентрический подход с его базисным принципом эго, опирающийся на нерасторжимое единство двух основополагающих начал я в человеке — субъекта восприятия (наблюдателя) и

субъекта речевой деятельности — имеет все основания стать ведущим в практике лингвистических исследований» [Гуреев, 2004: 69].

В данной работе центральным определением эгоцентризма является определение, данное Ю.С.Степановым, а именно: «отношение языка к автору текста заключается в присвоении себе языка» [Степанов, 1985]. Для нас и нашего исследования особенно важны две концептуальные составляющие данного понятия - это автор текста и язык, то есть языковое произведение. Поскольку индивидум соотносится с понятием я («эго») и рассматривается как языковая личность, эгоцентрический подход, в соответствии с целевой направленностью исследования, реализуется в описании текстотворческой роли языковой личности, в выявлении маркеров «эго» в научном дискурсе, определении их прагматической значимости.

Таким образом, основными составляющими эгоцентрической концепции языка являются языковая личность как индивидуум и дискурс как созданное им речевое произведение. В этой связи эгоцентризм определяется нами как отношение дискурса к его автору. Дальнейшее изложение будет связано с особенностями языковой личности, создателя научного текста, «эго» как субъекта дискурса и дискурса как объекта лингвокреативной деятельности «эго».

1.3. Научный дискурс: понятие, типология, характеристика

Что касается исследования научного дискурса, то оно предполагает разрешение большого количества проблем, которые непосредственно связаны с коммуникативными, композиционными, прагматическими аспектами его изучения. Рассмотрение научного текста в рамках теории речевой деятельности в настоящее время признается достаточно актуальным (Лингвистическая прагматика 1985; Кацнельсон 1972; Жинкин 1982; Серль 1982; Теория речевых актов 1986; Леонтьев 1969, 1968, 1974; Сорокин, Тарасов, Шахнарович 1979; Выготский 1982; Человеческий фактор в языке. Язык и проблемы порождения речи 1991; Якобсон 1985), так как она описывает помимо конституирующих и типологических особенностей такого многофункционального и многоаспектного явления, также и актуализацию связи речевой ситуации и научного текста. Акцент на данный аспект соотносится с целью нашего исследования, так как при таком подходе текст выступает как продукт целенаправленной деятельности индивида, как «текст, погруженный в жизнь» [Арутюнова, 1990: 136], а не как какой-то абстрактный предмет.

Неоспоримый факт, что основные особенности научного дискурса связаны в первую очередь с такими ключевыми понятиями, как исследование, знание, истина [Карасик 2004: 278]. Наука – представляет собой своеобразную сферу человеческой деятельности. Её призвание заключается в подаче объективной информации об окружающем мире. В любом языке научная речь определяется в качестве особого функционального стиля, понимаемый как «осознанная обществом, объединенная внутренне и функционально обусловленная совокупность приемов употребления, сочетания и отбора средств речевого общения в той или иной сфере языка, соотносительная с подобными способами выражения, которые служат для выполнения других целей, исполнения иных функций в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73]. Каждая сфера обладает своими характеристиками и нормами употребления лексических, структурно-

семантических и грамматических построений. Сфера научных знаний также имеет специфический набор единиц, который отличает данную сферу от какой-либо другой. Нельзя не отметить, что помимо огромного количества терминов, особых лексических единиц, которые определяют научный дискурс как научный, особый строй текста также задает и во многом определяет специфику коммуникативного задания.

В первую очередь, научный дискурс – это носитель информации, который ориентирован на определенного читателя-профессионала. Такой тип дискурса считается наиболее обобщенным, обращенным к логике и интеллекту и способным выделить объективную информацию об объекте. Принято считать интеллектуально-коммуникативную функцию основной для научного дискурса, так как язык науки обладает такой целью, как передача, накопление и сохранение собственно научной информации в совершенно различных речевых и языковых формах.

Хочется также отметить, что в исследованиях стилистической парадигмы языка науки говорится, что особенности сферы деятельности так или иначе определяют основную специфику данного функционального стиля речи: «Это процесс продуцирования, вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, их связях и отношениях между собой, представленный в вербальной форме, а также доминирующими коммуникативными целеустановками участников коммуникативного акта...» [Аликаев, 1999: 26].

Кроме того, те, кто исследуют научную речь, отмечают некоторые особые ее черты: однозначность, логичность, точность, объективность, безличность, неэмоциональность. Анализируя область научного знания, мы имеем возможность выделить и сформулировать особые направления и ориентации в организации и отборе языковых средств в данном функционально-стилевом виде. Отталкиваясь от этого, необходимо сделать акцент на том, что стремление научной речи к обособлению и отстранению организует и подчиняет себе выбор и композицию различных языковых средств. [Виноградов 1955, 1981; Кожина 1972; Лаптева 1975]. Это неизбежно ведет к

клишированному использованию языковых средств, к функционально-стилевому единству.

Итак, научный дискурс - это достаточно многогранное, сложное явление, включающее в себя культурную, социальную, интеллектуальную и другие различные сферы общества, которое также обусловлено текстовыми и внетекстовыми параметрами, имеющее открытую незавершенную семантику и гипотетическую устремленность» [там же].

Если рассматривать научный дискурс при прагматическом подходе, то необходимо выделить различные цели, предполагающие стратегии и его структурную организацию: «1) поставить проблему и выделить предмет изучения, 2) сделать анализ истории вопроса, 3) сформулировать гипотезу и цель исследования, 4) осуществить выборку методов и материала исследования, 5) представить теоретическую модель предмета изучения, 6) изложить результаты наблюдений и эксперимента, 7) прокомментировать и обсудить результаты исследования, 8) дать экспертную оценку проведенному исследованию, 9) определить область практического приложения полученных результатов, 10) изложить полученные результаты в форме, приемлемой для специалистов и неспециалистов (студентов и широкой публики)» [Карасик, 2004: 53]. Научный дискурс не может не быть субъективным в силу того, что он представляет собой непосредственно отражение когнитивного процесса получения, передачи научной информации, трансформации, что является характерной чертой познающего субъекта (индивида) [Гуреев, 2005: 24]. Именно поэтому для нашего исследования достаточно важным является актуализация следующего положения: в научном дискурсе «сложнейшим образом сочетаются все поведенческие «стандарты» этой сферы, ... а также находят выражение все ее «окказионализмы», которые реализуются в личностном и индивидуальном [Аликаев 1999: 41]. К таким «окказионализмам», среди «комплексов типических признаков» [Виноградов 1955: 72] научного стиля речи и способствующий выделению его эмоциональной насыщенности и яркости, относятся, по нашему мнению,

различные эгомаркеры, связанные с прагматическими, психолингвистическими и социолингвистическими характеристиками личности автора, с его я «ego».

Следует отметить, что степень эгомаркированности дискурса, в частности научного, относится к числу наиболее актуальных, неоднозначных и дискуссионных проблем лингвистики. В настоящее время важнейшей и основной лингвистической особенностью научной речи считается безличность изложения, отсутствие в ней художественности и образности, эмоциональности, но, тем не менее, эти признаки тесно связаны с отвлеченным и обобщенным характером научного мышления, его логико-понятийной основой [Кожина, 1972: 47].

Именно опыт изучения проблемы субъективности в языке, основанной на антропоцентрической парадигме знаний, в теории речевой деятельности, в когнитивной лингвистике, теории дискурса, дает возможность говорить, что языковая личность представляет собой неотъемлемую часть дискурса, кроме того, дискурс, в особенности научный, характеризуется как дискурс с эксплицитной отнесенностью к его автору, который, в свою очередь, с помощью комплекса разноуровневых эгореферентаторов, заявляет о своем присутствии читателю.

По нашему мнению, эгомаркированность научного дискурса напрямую зависит от различных факторов. На наш взгляд, для определения этих факторов следует отталкиваться от ситуативной модели общения, представленной Р.О.Якобсоном в его труде «Речевая коммуникация»: «адресант — сообщение - адресат - контекст - контакт - код» [Якобсон, 1985: 98]. Исходя из этой модели основной составляющей коммуникативной ситуации, обладающей своим результатом особым образом оформленный дискурс, является адресант. Несмотря на рамки и определенный эталон, этикет общения в данной сфере адресант способен превносить в дискурс элементы своей субъективности, обозначенные его намерением оказать воздействие на адресата, убедить его в важности (перспективности, актуальности, целесообразности и т.д.) своего

личного видения и своей субъективной оценки в рассматриваемой научной проблеме.

Таким образом, на наш взгляд, степень эгомаркированности научного дискурса будет зависеть от личностных качеств и способностей языковой личности.

К факторам, определяющим степень насыщенности эгомаркерами научного дискурса, по нашему мнению, относится непосредственно характер следующей составляющей части коммуникативной ситуации – сообщения, то есть предмета речи.

Компоненты коммуникативной ситуации, выбранные для анализа – адресант и сообщение, координированность сообщения относительно говорящего, отношение автора текста к сообщению и составляют основу двух категорий – эгоцентризма и эмоциональности. В научном стиле речи, по нашему мнению, они являются соотносительными понятиями. Так, Н.М.Разинкина, упоминая эмоциональность научного стиля речи, связывает ее с авторской оценкой предмета речи, который можно охарактеризовать как значимый, важный, малозначимый, необычный, уникальный, регулярный, обязательный и т.д. [Разинкина 1976: 110].

Следующим участником коммуникативной ситуации (дискурса), влияющим на эго-координированность дискурса, является адресат, а именно, такие его характеристики, как профессиональный и социальный статус, владение им в той или иной степени научной информацией, а также то, в каком качестве он представлен – как читатель или слушатель, как индивидуальный или коллективный, как пассивный или активный. В основном, говорящий представляет собой доминанту в дискурсивной деятельности в силу того, что он пытается донести новую научную информацию до адресата.

Мы полагаем, что на эгомаркированность дискурса в основном оказывает влияние специфика и других компонентов модели ситуации общения Р.О.Якобсона. Это «контекст - контакт», соотнесенный с условиями ситуации общения. В частности, ситуация общения предопределяет виды общения,

которые в лингвистике выделяются, отталкиваясь от таких особенностей, как: устное - письменное, диалогическое - монологическое, контактное — дистантное, непосредственное — опосредованное, межличностное — публичное, кооперативное — конфликтное и др. [Язык и общество 1995].

Поэтому вопрос, тесно связанный с выявлением различных способов дискретного, недискретного, эксплицитного и имплицитного (грамматического, лексического, контекстуального) представления я - «ego» в письменной форме научного дискурса, является очень важным и актуальным в нашем исследовании.

Помимо этого, в нашей работе мы опираемся на исследования, в рамках которых научный стиль могут классифицировать как собственно научный (академический), научно-публицистический (научно-популярный), научно-учебный, научно-информационный, научно-разговорный [Аликаев 1999: 60].

Кроме того, мы не можем не выделить то, что эгомаркированность напрямую связана с жанрами научного стиля речи.

Общеизвестный факт, что каждый функциональный стиль обладает собственной, присущей только ему совокупностью жанров. Обращаясь к жанрам научной речи, ученые выделяют такие жанры как: основные (центральные) - (монография, научная статья), периферийные, или типы вторичного научного текста, представляющие собой метатекст, информацию об информации (реферат, аннотация, тезисы, рецензия) и пограничные, находящиеся на периферии стиля, к которым относят авторскую заявку, Госстандарт [Троянская 1986; Аликаев 1999; Белых 1991]). При этом Е.С.Троянская выделяет жанры с открытой, «свободной», «мягкой» структурой, к числу которых относит статью, монографию, отчасти рецензию, тезисы, хотя отмечает, что их степень свободы относительна и варьируется в сторону большей или меньшей «жесткости» [Троянская 1986: 18]. Р.С. Аликаев определяет научную статью самым гибким свободным жанром, который не ограничивает субъект речи, «так как при сопоставлении ее с другими жанрами этого функционального стиля мы отметим, что она никаким образом не

ограничена ни какими-либо коммуникативными намерениями, ни ролевыми особенностям автора текста» [Аликаев 1999: 105-106]. По мнению Е.С.Троянской, «основа научного стиля, определяющая его специфику и достаточно четко разграничивающая другие стили, включает в себя такие жанры научной литературы, как статья и монография. Именно в этих основных жанрах стандарт стиля находит свое наиболее яркое выражение. И именно эти жанры дали возможность выявить определенные правила построения научной коммуникации и основные качественные и лингвистические характеристики научного текста» [Троянская 1985: 67].

Таким образом, по своей интенции статья связана с описанием и представлением объекта. Поэтому важным в контексте нашего исследования является выявление особенностей эксплицитной и имплицитной эгорепрезентации в основном жанре научного стиля – статье.

Для того чтобы придать большую объективность исследовательской работе и соответствующей самохарактеризации логично и правильно, по нашему мнению, подойти к обсуждению научной проблемы с помощью обезличенных форм, исключающих упоминание субъекта действия высказываний. Такая форма высказываний соответствует образцам и нормам научного общения, установкам на объективность и беспристрастность получаемого знания. Это должно, вроде бы, исключать самопрезентацию и эгорепрезентацию автора научного текста, но, тем не менее, так или иначе интенция самопрезентации проявляется в данном типе дискурсе. При всем этом, наиболее открыто обнаруживается стремление автора представить личный вклад в изучение обсуждаемой проблемы. В неявной форме, как правило, выявляются другие интенции, относящиеся к самохарактеризации и формирующие самопрезентацию (обнаружение принадлежности к научному сообществу, выявление своих профессиональных и личных качеств).

Научный дискурс как родовое понятие можно поделить в предельно общем плане на два вида: априорный (дискурс формальных наук — логики и математики) и апостериорный (дискурс эмпирических наук). Основание такого

деления лежит в области значений логико-методологического параметра: в априорных науках истинность высказываний устанавливается логико-аналитическими методами в рамках некоторой формализованной теории, в то время как истинность высказываний апостериорных наук, в конечном счете, удостоверяется опытным путем. Иногда априорные науки, исходя из этого же логико-методологического параметра, именуют дедуктивными, а апостериорные — индуктивными. По уровню параметру выделяются предметный дискурс и метадискурс (герменевтический). Внятной методологии герменевтического дискурса еще не создано, хотя многие дискурсные практики, такие как история, юриспруденция, литературоведение, имеют одной из своих задач установление аутентичного смыслового (предметного) содержания разнообразных текстов. С понятием уровня дискурсного текста связано также решение комплекса вопросов, позволяющее выделить еще одну разновидность метадискурса, которую можно назвать логико-методологической. Ее основу составляют анализ логических связей и отношений между терминами и высказываниями предметного дискурса (метаматематика, металогика), а также исследование функций научных категорий и методологических принципов в предметном дискурсе (методология научного познания). Сложная ситуация с делением имеет место в дискурсе, в котором происходит «схождение» предметных областей, методов и целей различных наук. Более того, все разновидности научного дискурса тем или иным образом ассоциированы в «непрерывную ткань, все части которой переплетены между собой» [Парсонс, 2003].

Исходя из этого, выделяются различные анализы научного дискурса:

1. Субъектный: адресанты/адресаты научного дискурса, то есть люди, исповедующие общенаучные ценности и принципы, активно работающие в определенной научной области, ориентированные на одни и те же либо существенно различающиеся парадигмы (по Т. Куну) научной деятельности в данной области.

2. Онтологический: типы объектов дискурса, способы их существования — объекты природного происхождения и объекты, существование которых связано социокультурными смыслами; материальные и идеальные объекты; темпоральные сферы бытия — настоящее, прошлое и будущее.

3. Предметный: разные научные дискурсы могут, иметь одну и ту же онтологию, но различаться своим предметом, тем содержанием объектов познания и деятельности, которое «вычленяется» понятийными средствами данного дискурса, сеткой («системой») категорий и законов (или аксиом) определенной науки. Предметный параметр ранжируется по степени общности рассмотрения объектов дискурса (по схеме «род — вид — подвид») и диверсифицируется выделением в них аспектов и частей (по схеме «система — подсистема — элемент»).

4. Логико-методологический: формы и методы реализации дискурсом научно-познавательных целей, коррелятивные специфике предметной области и проблематики данной науки: описание, объяснение фактов и эмпирических законов, обоснование гипотез, доказательство теорем, понимание человеческих поступков, прогнозирование, а также логические средства дискурса. Несложно усмотреть, к примеру, различия в способах обоснования, характерных для дискурса апостериорных наук (физики, биологии, социологии), с одной стороны, и априорных (логики, математики) — с другой; в моделях объяснения фактов в социогумани-тарном и естественнонаучном дискурсах.

5. Лингвопрагматический: стилевые характеристики речи, ее выразительные средства и литературные формы; коммуникативные сценарии — условия, организация и способы научного общения.

6. Уровневый: по этому параметру можно выделить предметный дискурс, отличая его от метадискурса. Предметный дискурс своей направленностью имеет область значений (предметную область) языка данной науки. В метадискурсе речь идет о высказываниях предметного дискурса, их синтаксических, семантических и прагматических свойствах.

7. Проблемный: формулировка проблемы является начальным этапом любого научного дискурса, поскольку очерчивает границу между уже познанным (известным) и тем, что еще таковым не является. Основные разновидности научных проблем: а) что предстоит объяснить, и как это сделать? б) что надо обосновать, и как это сделать? в) что подлежит квалификации в границах некоторой системы, и как это сделать? г) относительно чего надо построить прогноз, и как это сделать? д) что предстоит вычислить, и как это сделать?

8. Телеологический: производство новых объективно-истинных знаний; трансляция массива «готовых» знаний (номологических и фактуальных) на новые области и сферы познания и практической деятельности; информирование, оценка, критика в контексте научной коммуникации.

Таким образом, в ходе работы был рассмотрен и охарактеризован научный дискурс, его особенности, жанры, подходы к анализу данного вида. При рассмотрении различных жанров научного дискурса, в рамках исследования наше внимание было обращено на жанр статьи. Были выделены особенности этого жанра

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

На основе изученного теоретического материала были сделаны следующие выводы.

Понятие «ego» в антропоцентрической парадигме лингвистики тождественно с понятием субъекта, значение которого выходит на первое место, а язык считается его важнейшей характеристикой.

Нами также была рассмотрена языковая концепция эгоцентризма, которая представляет собой естественное продолжение антропоцентрической, но являясь более углубленной в плане нацеленности на актуализацию ориентированности языка на говорящего. Отталкиваясь от того, что понятие «ego» соотносится непосредственно с говорящим, мы рассматриваем его как непосредственного участника дискурсивной деятельности, как языковую личность, а дискурс — как результат лингвокреативной деятельности.

Важной составляющей эгоцентрической концепции языка являются языковая личность как индивидуум и дискурс как речетворческое произведение. Именно в такой связи эгоцентризм определяется нами как связь дискурса с его автором.

Широкое определение понятия «дискурс», его актуализирующее культурно-ситуативное понимание, показалась мне наиболее предпочтительной, так именно это определение позволяет акцентировать как на участников общения и ситуации, так и на текстуальных особенностях языкового произведения, а помимо этого и на характере влияния различных факторов на процесс сотворения и его структуру и организацию. Понятие «дискурс» напрямую связано с субъектом речи, говорящим «ego», который, являясь языковой личностью, имеет свойственными ему социальные и индивидуально-личностные характеристики, которые находят выражение в его речевом поведении и в структурно-семантической организации созданного им дискурса.

Необходимо отметить, что являясь отражением процесса получения деятелем речи новой информации, научный дискурс никак не может быть исключительно субъективным. Научный дискурс представляет собой один из видов институционального дискурса, который определяется особой структурной организацией.

Также в данной главе были выделены различные подходы к определению научного дискурса. Было выяснено, что научный дискурс – такой тип дискурса, который представляет собой организованное и структурированное представление автором результатов своей когнитивной деятельности. В одном ряду стандартными характеристиками данного стиля, в нем находят выражение так называемые «иностилевые элементы», делающие этот тип дискурса личностно ориентированными.

Таким образом в нашей работе был рассмотрен один из жанров научного дискурса – статья. При рассмотрении такого жанра научного дискурса, как статья, в рамках проводимого исследования, к основным формам проявления автора в научных текстах представляется правомерным отнести:

- Употребление местоимений мы и я
- Наличие авторской модальности
- Непрямые эгореферентаторы.

Материалом для нашего исследования послужили англоязычные юридические научные статьи, примеры из которых мы рассмотрим и проанализируем в следующей главе.

ГЛАВА 2. ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭГОЦЕНТРИЗМА В ТЕКСТАХ НАУЧНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ)

2.1. Модели употребления личных местоимений «we» и «I»

На первый взгляд, кажется, что в рамках научного дискурса нет никакого соотнесения с языковой личностью. Данная точка зрения поддерживается тем фактом, что научный текст можно охарактеризовать, как объективный, беспристрастный текст, а также отличается отсутствием каких либо эгоцентрических средств. Однако У. Матуран отмечает, что речь невозможна без участия человека. Автор текста, хотя и завуалированно, но присутствует в тексте.

Выделяются три модели употребления личных местоимений «we» и «I». Первая модель - это употребление «we» для обозначения говорящего (we = I). Данный маркер дает не обобщенный и не множественный образ говорящего, а выступает заменой местоимения «I».

- *We otherwise risk giving undue weight to one outcome to the exclusion of others, or we fail to recognize that achievement of a particular intended goal may be offset by unintended effects [Mears 2003].*
- *In the end, however, we want to know much more than the available data will allow about the specific “instructional guidance” dimension. After all, the closest manipulable influence on gains in student achievement is what happens in the classroom among teachers, students and the learning activity [Cock 2009].*
- *In this article, we profile the women in federal law enforcement and explore eight occupational barriers common in federal policing [Yu 2015].*

Следующей моделью реализации семантической парадигмы местоимения «we» выступает обозначение обобщенного образа говорящего (мы = я + я). Выявление данного способа обозначения требует тончайшей языковой техники для отделения его от значения «мы=я» и использования приема подстановки «я». В научном дискурсе «мы - обобщенное» выступает гибким и ярким

способом актуализации и удержания внимания читателя. В данном случае через местоимение «мы» реализуется значение «все я», которое, однако представляет в дискурсе сам говорящий.

- *We have no national data that capture the numbers of youth waived to adult court through prosecutorial discretion and legislative exclusion. Some evidence suggests that at least as many if not more youth are sent into the criminal justice system via these nonjudicial mechanisms [Mears 2003].*
- *Finally, we do not know how many youth are placed in juvenile residential facilities or probation as a result of prosecutors using the threat of waiver to plea bargain “down” to these lesser dispositions [Там же].*
- *We need to address what kinds of issues are triggering remedial cases, and who is filing suit? What kinds of public agencies are involved? Are any geographical patterns evident? This particular area of study would benefit greatly from a systematic update not only of current activity but also of the current state of the law [Chanin 2014].*

Так, третья модель употребления местоимения «we» призвана для обозначения говорящего совместно с другим лицом (я + вы): научным руководителем, представителями единой с говорящим научной школы, соавтором. Это употребление, на наш взгляд, в наибольшей степени соответствует основному словарному толкованию данного местоимения. Если при описании работы упоминается субъект действия, то чаще это – «we», а не «I», что подчеркивает принадлежность к определенному научному кругу, школе и пр.

Семантическая парадигма местоимения «we» в научном дискурсе, связанная с «я-парадигмой», представлена несколькими прагмасемантическими моделями употребления.

- *We—two professors at New York Law School (NYLS) (MLP and HEC) and the director of the Tokyo Advocacy Law Office (YI)—are engaged in the creation of DRTAP and the expansion of NYLS’s online, distance learning mental disability law programme to add multiple Asian venues [Perlin, Cucolo, Ikehara 2014].*

- *We believe that, together, these initiatives will have a significant influence on legal education throughout Asia*[Там же].
- *In this section, we offer a brief historical review that clarifies this emerging role, and then we identify specific questions on which this research potentially can inform legal policy* [Bonnie, Scott 2013].
- *We normalized these scores to account for the differences across years... For each class... we calculated a weighted quality rating based on the average quality rating multiplied by the number of student responses. In the subsequent analyses, we deal with any potential bias resulting from this decision...*[Ginsburg, Miles 2015]

В другом случае рассматривается реализация значения «включающего» субъекта. Личное местоимение «we» обозначает говорящего совместно с адресатом. В данном случае референтом местоимения «we» также является «я + вы». Такое сочетание в данном случае обладает особыми и отличными от предыдущего прагматическими и семантическими характеристиками, отличающимися разными стратегиями адресанта и адресата. Стратегии автора текста непосредственно связаны с передачей информации до адресата, стратегии адресата - с расшифровкой информации. В представленном выше случае совокупность местоимений «я» и «вы» повествует о результате научного исследования, тогда как референт местоимения «we» - «адресант + адресат» в данный момент занимается совместным поиском научной истины.

Научный дискурс является результатом научной деятельности автора текста. Но множественное «we» охватывает и адресанта и адресата, которого автор делает соучастником своего научного поиска.

Местоимение «we» с субъектным наполнением «говорящий + адресат» объединяет интересы обеих сторон, одновременно имплицитно совместный познавательный процесс.

- *Why have a separate juvenile justice system, for example, if we are going to send youth to adult courts?*[Mears 2003]
- *... In Canada, the situation is very different. There are no grand juries and, to our knowledge, prosecutors have not pressured researchers to yield the identity of*

research participants who have disclosed information about their own criminal activity. .. Indeed, **we can find** just one instance where the threat of compelled disclosure has arisen [Lawman, Palys 2001].

- ...But it is clear that **we must consider** the user with greater nuance. This article contributes to this further examination of the user by critically analysing these various cultural discourses around the user and considering them in relation to copyright law [Meese, 2015].
- Before we can legislate for the user, we need to know who the user is, and there has been a distinct under-theorisation of the user in copyright law scholarship [Там же].
- Below, **we shall briefly identify** events in certain Asian/Pacific regions that highlight issues of mental illness and criminal justice, in order to further illuminate the significance of these issues, thus furthering our mission to educate and inform scholars, practitioners and legal advocates in this area of law [Perlin, Cucolo, Ikehara 2014].
- REC members professing to be able to predict that there will be no unpredictable event are manifestly in breach of their duty to trials subjects... And **we know**, for example from the Northwick Park catastrophe, that unexpected harm, even to healthy trials subjects, is not necessarily minor or transient [Laurence 2008].
- **As we have seen previously** there is no definition beyond 'when not reasonably practicable' in the amendments to justify the removal of informed consent for research in urgent clinical situations [Bones, 2007].
- **I then learned**, from a personal communication from the College, that the RCP would not be replying to either of these points, but was 'happy for readers of the BMJ's web-site to draw their own conclusions'. **For myself, I hope** that readers do [Laurence, 2008].
- **As I write** this review, the state of Pennsylvania is holding public hearings to debate the merits of House Bill 1999, an act aimed at eliminating the sentence of life imprisonment without possibility of parole (LWOP) for all crimes committed

by juveniles and providing the possibility of release for rehabilitated prisoners whose juvenile convictions resulted in life sentences[Cock, 2009].

- *I begin by discussing the context in which waiver laws gained prominence and describe different types of waiver and national statistics on the numbers of youth transferred to adult court* [Там же].
- *In this article I wish to highlight the changes and their need but also to explore the tensions that they have created with the terms of the European directive. I will also emphasize the role of the research ethics committees in maintaining the protection of vulnerable research subjects in these situations* [Bones, 2007].

Итак, по словам многих ученых, наиболее колоритным эксплицитным средством, в рамках научного дискурса, являются местоимения «я» и «мы». Однако можно сделать выводы, подтверждающие существующие предположения, которые подтверждают мнение некоторых ученых о том, что говоря о научном тексте, замена местоимения «я» на местоимение «мы» выполняет в качестве «формулы скромности» автора сообщения [Погудина, 1983: 79].

Актуализация местоимения «we» (и местоимения «I») обусловлена фактом внедрения лингвистами субъективного представления о лингвистической проблеме, что помогает им отстоять авторитет предложенных ими концепций и понятий, а также выявить недостатки и преимущества той или иной лингвистической установки. Более того, в тех текстах, где идет полемика с предшественниками, зачастую используется эксплицитная эгоференция вышеназванных местоимений. К тому же, следует отметить тот факт, что говоря о русском языке, нельзя не обратить внимание на то, что говорящий манифестирует себя личным местоимением «we» (или «I»), а при представлении результата познания - нового знания - притяжательными местоимениями наш, мой.

К тому же, помимо репрезентации говорящего как определенного, открыто заявленного лица местоимением «я», I, в английском языке существует неопределенное выражение участников коммуникации, реализующееся по

средствам использования местоимения мы (we), которое в рамках научного дискурса выступает в роли обобщенного лица. Опираясь на точку зрения многих ученых, можно отметить, что замена личных местоимений на безличные служит для подчеркивания объективности сообщения, его логичности и последовательности [Разинкина, 1989: 67].

Таким образом, в англоязычном научном дискурсе эксплицитно выраженный источник информации, автор представлен различными вариативными формами: «we», в редких исключениях «I», «my», а также устойчивыми сочетаниями с *my* в английском языке.

2.2. Способы выражения авторской модальности в научных текстах

Начнем с того, что использование модальности, при учете ее четких содержательных критериев, в формировании предикативной структуры текста дает возможность предложить функционально-коммуникативный подход к фрагментам текста, несущим определённую информацию об отношении автора к собственному высказыванию и отношении авторского сообщения к действительности. В рамках такого подхода особая роль отводится авторской модальности [Ваулина, 2007: 45].

Начнем с того, что именно когерентность и когезия дискурса обуславливают использование всевозможных средств «авторской модальности», относящихся к разным уровням языка, в рамках данного дискурса. Таким образом, использование глаголов выражающих ментальность, а также субъективность высказывания обуславливают употребление языковых средств субъективной модальности, а именно использование модальных глаголов, слов и частиц.

Помимо этого, в основе категории модальности лежат также оценочные предикаты, которые имплицитно представляют автора текста. Автор научного дискурса использует конкретные языковые средства, которые помогают ему выразить свое отношение к читателю. Здесь автор использует именно те средства, которые максимально эффективно позволяют ему осуществить свою коммуникативное намерение.

Для целей нашего исследования важно выявить способы выражения авторской модальности, которая, по мнению А. Г. Баранова, задействует средства, которые позволяют автору выразить свое субъективное мнение к содержанию текста. В таком случае, модальность субъективной установки становится средством модификации когнитивного компонента текста и межличностных модальностей, накладываясь на них и характеризуя автора текстовой деятельности [Баранов, 1993: 13]. Здесь автор, выраженный в текстовой деятельности имплицитно, в рамках научного дискурса выступает как субъект отношения и субъект оценки - похвалы, согласия/несогласия, одобрения/неодобрения, симпатии/эмпатии, критики и т.д. Например:

- *Unfortunately, the doctor will almost certainly not be eligible because he or she is highly likely to be 'a person employed or engaged by, or acting under arrangements made with the sponsor and who undertakes activities in connection with the management of the trial* [Warlow 2005:4].
- *Interestingly, those in favor of opening the door to newcomers do so not based on 'ethnic nationalism' but on American ideals of opportunity, individual effort and merit. Indeed, most people in the sample are not members of ethnic organizations* [Cock 2009].
- *Let us examine this question through a real example from clinical research.* [Там же].
- *The results of Bennett et al.'s study **make one wonder** how it is that anyone manages to stay involved with the system rather than why some victims are uncooperative* [Senn, Barata 2003: 3].

Мы считаем, что, используя такие языковые средства, как оценочные предикаты и предикатами отношения, выраженными аналитическими формами (вспомогательный глагол + прилагательное), глаголами отношения (doubt, to be sure, recognize, approve, agree и др.) и не прибегая к прямым эгорепрезентирующим элементам языка, автор текста добивается поставленной цели: во-первых, определяет свою авторскую позицию (оценивает, одобряет, признает, соглашается/ не соглашается, выражает уверенность/ неуверенность,

сомнение и т.д.), во- вторых, через выражение отношения к сообщаемому манифестирует себя. Например:

- *If it is **not reasonably** practicable to contact a guardian or welfare attorney or the adult's nearest relative before the decision to enter the adult as a subject of the clinical trial is made, a person, other than a person connected with the conduct of the clinical trial, who is the doctor primarily responsible for the medical treatment provided to that adult, or a person nominated by the relevant health care provider' can be responsible for providing proxy consent [Warlow 2005].*
- *It is **perhaps not surprising** that researchers, and others, are left confused about what the law really says, and this is not made any easier by it being different in different parts of the UK. But is the ethics any easier [Cock 2009]?*
- *While the book thoroughly examines the challenges and limitations of symbolic leverage in an historical context, **it would be helpful** to hear more about lessons for the present and future, particularly in this moment of anti-immigrant backlash [Там же].*
- *Of course, even in those cases one might object that **it would be better**, both for the employee and for society at large, if they would find regular employment [Там же].*
- ***It would be difficult** to explore every dimension of the larger campaigns to address these public health risks, and as such, the author draws more attention to some aspects of these movements than to others [Там же].*

Таким образом, одной целью нашего исследования было выявление языковых средств, позволяющих проследить присутствие автора научного дискурса в тексте. Поэтому в нашем исследовании мы выделили способы выражения авторской модальности, языковые средства, а именно: модальные глаголы и модальные слова, что позволяют автору текста выразить свое субъективное мнение к содержанию текста. Тогда, модальность субъективной установки выполняет функцию изменения когнитивного компонента текста и межличностных модальностей, тем самым характеризуя автора текстовой деятельности

2.3. Непрямые эгореферентаторы

В качестве маркера косвенной эго-манифестации личности выступает выбранный говорящим путь выражения процесса и этапов научного поиска, а также оценочного отношения к его результатам. Следовательно, именно безличные конструкции с вводными словами, такие как: *it is clear that, as might be expected...; as can be seen from...; it would be necessary to...; it is necessary to determine...; it should be pointed out that...* и т.д. выступают в качестве эгореферентаторов, которые указывают на принадлежность дискурса к говорящему.

- *Where this has been studied, which is not often, it is clear that patients who consent to having their records looked at, or to receive a questionnaire, are almost always different in important ways to those who do not consent; for example in their age, gender, severity of illness and so on [Warlow 2005].*
- *It should be noted that it appears such limitations do not apply to those persons covered under standard NHS indemnity Liability in the law of tort of research ethics committees and their members [McHale 2005].*
- *It would be morally appropriate for us to prefer our basic interests over the interests, even the basic interests, of other nonhuman living beings [Cock 2009].*
- *It is necessary to isolate variables to study them. A fourth critique of the scientific paradigm is that the isolation of variables outside of their context reduces meaningfulness [Barata, Senn 2003].*

Более того, следует отметить, что в безличных пассивных конструкциях также можно проследить процесс актуализации поставленной лингвистической проблемы, а не его автора. С другой стороны, даже в подобных конструкциях автор присутствует имплицитно. Это может быть доказано наличием определенных динамичности и сжатости, присущих самой форме изложения. Это проявляется в том, как автор видит саму проблему, какую оценку дает ей, как отсылает к другим авторам. Следовательно, здесь можно сделать вывод о двоякости такого понятия, как безличная форма изложения, так как с одной

стороны, дискурс посредством ряда маркеров соотносится с субъектом речи, а с другой стороны, подчеркивается объективность результатов исследования. Это выделяющие лексические маркеры, которые используются в пассивных конструкциях:

- *...But it belongs to reason to command, as stated above (Question 17, Article 1). Therefore law is something pertaining to reason [Cock 2009].*
- *As shown above, a fairly well-developed body of case law has developed over the years setting forth the conditions under which a municipality impose development exactions and impact fees [McHale 2005].*

Следовательно, понятие субъективности присуще в том числе и стилю безличного изложения. Нельзя не согласиться с мнением О.А. Лаптевой, что в научном исследовании и его результате личная роль исследователя достаточно значима и весома, несмотря на тот факт, что в сфере общественной практики она ничуть не уступает роли «я». Однако, следует отметить тот факт, что научной истине, доказанной в процессе исследования, присуща одна отличительная особенность. Эту особенность можно назвать качеством объективности, а, следовательно, отсутствие факта вмешательства личности исследователя. Именно данная отличительная особенность послужила почвой представления авторского «я» в научном произведении, несмотря на возникшие своего рода противоречия, которые не свойственны какой – либо иной области общественной деятельности человека [Лаптева, 1975: 33].

Нельзя не учесть тот факт, что выразить свое отношение к излагаемому говорящему помогают такие маркеры эмоционального отношения, как прилагательные истинный, подлинный, настоящий.

Однако нельзя не упомянуть тот факт, что эмоционально-оценочное отношение говорящего к содержанию сообщаемого связано в первую очередь с семантическим аспектом дискурсообразования. Именно повсеместное использование модальных (вводных) слов и конструкций обуславливает факт реализации дискурсообразования. Существует ряд слов в английском языке, указывающих на достоверность сообщаемого, таких как: *evidently, certainly*

probably, perhaps, in truth, naturally, maybe, surely, in essence, no doubt, in fact, possibly, of course. Вышеуказанные слова способны помочь автору выразить вероятность и возможность сообщения, сомнение и достоверность, реальность сообщения и его логическую оценку.

- *Well, yes, **of course** they should observe the law must be the obvious answer, or they might open themselves up to the full force of the justice system. Or, should they be working by ethical principles? Well yes again, by definition, that is what ethics committees do!*
- ***In fact**, consulting mothers-in-law was in a virtual tie with consulting the Internet [Marx, Miller, Huffmon 2011]*
- *This leaves the United States as a country with a long history of fair use and an abundance of fair use theory but no coherent body of fair use law, **perhaps** explaining the trend towards refusing to acknowledge transformative works outlined above [Meese 2015].*
- *Skipping the first promotional opportunity may put a female candidate as much as a decade behind in making rank, **possibly** precluding any chance to be considered for executive-level positions later in her career [Yu 2014].*

К тому же, немаловажным является процесс структурирования дискурса, осуществляющийся также за счет использования вводных слов и конструкций. Так, вводными словами, ответственными за определение последовательности мыслей говорящего, являются: firstly, to begin with, secondly, summarizing first of all, finally, then.

- ***Finally**, the fourth study by Barratt, Thompson, and Bergman (2011) research factors that influence women to pursue supervisory positions within their agencies [Yu 2014].*
- *I **then** summarize the results of waiver research and related studies relevant to assessing the likely effects of this policy [Mears 2003].*
- ***To summarize**, we need greater understanding and assessment of intended effects, including [Там же].*

- *First, to the extent that neuroscience research provides evidence that immature brain functioning influences decision making and risk taking implicated in criminal behavior, it is relevant to the question of whether adolescents are less culpable than adults and deserve less punishment for similar offenses [Bonnie, Scott 2013].*

Начнем с того, что говоря о научном дискурсе, следует отметить тот факт, что употребление модальных глаголов здесь многопланово. Их основную функцию можно определить как помощников в процессе выражения говорящим его мнения, в том числе его предположения, ощущения очевидности или вероятности, что помогает говорящему избежать слишком сильной категоричности высказывания, а также бесспорности тех или иных истин. Здесь можно выделить следующие модальные глаголы: could, may, might, should, need, want, can, must, seem, to have to, to be to, to wish.

Однако здесь, наряду с эксплицитными маркерами говорящего (местоимения «я», «мы»), в научном дискурсе повсеместно используются средства, которые позволяют выразить субъект речи не напрямую. Именно поэтому, в данной работе мы рассмотрим такие средства, которые автор использует для выражения сообщений о собственных действиях, таких, как: процесс получения знаний, постановка проблемы, изучение материала, оценка результатов и т.д.

В этих конструкциях субъект либо эксплицитно представлен морфологическими маркерами лица; либо находит выражение имплицитно, т.е. читатель получает информацию об авторе речи опосредованно, а именно, через актуализацию процесса получения эмпирического и теоретического знания, выражение мыслительной деятельности автора, этапов познания: it should be pointed out..., there is no evidence to suggest..., it is more correct to say..., it may seem..., etc;

Нельзя не отметить тот факт, что использование глаголов в форме 1-го лица единственного и множественного числа в научном дискурсе обусловлено степенью полемичности изложения, а употребление безличных конструкций в определенной мере идет по правилам научного стиля к обобщенности

изложения, хотя, несомненно, отнесенность к говорящему также подтверждается контекстом.

Употребление глаголов в форме 1-го лица единственного и множественного числа в научном дискурсе тесно связано с местоимениями «I» и «we».

Более того, нельзя не учесть тот факт, выявление разноуровневых средств выражения говорящего вызывает особый интерес в рамках научного дискурса, а именно глагольные конструкции, нацеленные на выражение побуждения.

Здесь можно отметить такой приме, как использование форм повелительного наклонения. По словам ученого В. В. Виноградова, форма повелительного наклонения, выраженная по средствам «эмоционально – волевого языка» редко функционирует в рамках научного дискурса. Однако, следует учесть тот факт, что повелительные наклонения со значением совместного действия присущи именно коммуникативным ситуациям определенного типа. Это может быть изложение научной проблемы, побуждающей слушателя совершить определенную мыслительную операцию, такие как: сделать предположения, сравнить факты, уделить особое внимание чему – либо. Здесь могут выступать формы 1-го лица множественного числа от глаголов совершенного вида в русском языке (рассмотрим, начнем). Для них свойственно значение приглашения.

Формы совместного действия, в рамках научного дискурса образуются за счет глаголов, обозначающих всевозможные когнитивные процессы, такие как получение, интерпретация и передача информации. В английском языке это глаголы умственной деятельности, говорения: consider, remember, imagine, note, suppose, notice, say.

- *Consider Florida, which witnessed a tremendous spike in waivers to adult court in the early 1990s and was a subject of considerable study [Mears 2003:15].*

Более того, говоря об английском языке, следует обратить внимание на глагол let, который выполняет роль побуждения к действию. При этом глагол let используется в сочетании с личными местоимениями 1-го лица

множественного числа *us*. К тому, в рамках научного дискурса, данная конструкция играет немаловажную роль и находит широкое применение. Здесь конструкция с глаголом *let* используется при изложении научной проблемы, ее обосновании. При этом в конструкциях с *let* используются глаголы умственной деятельности (*imagine, suppose, think, consider*), зрительного восприятия (*see, glance, look, examine, take a look* и другие).

Итак, конструкция с глаголом *let*, выражающая «совместного» говорящего, одновременно выступает не только как единица дискурса, а как дискурсообразующая категория, определяющая структурную, смысловую и коммуникативную его целостность. Она отражает разные этапы изложения говорящим (совместно с адресатом) содержания лингвистической проблемы.

- *Let us examine this question through a real example from clinical research* [Cock 2009: 12].

Более того, отказ от безличности изложения и использование прямых обращений к читателю (слушателю) можно отметить как особую стратегию речевого поведения, целью которой является построение эффективного взаимодействия со слушателем. К тому же, здесь реализуется именно риторический закон гармоничного диалога, дающий адресату выступать в роли не пассивного, а активного субъекта речевого взаимодействия, осуществляющийся за счет использования глагольных форм совместного действия [Сковородников, 2003].

Таким образом, под непрямыми эгопрезентаторами подразумеваются вводные слова, безличные конструкции и глаголы умственного восприятия, которые позволяют проследить наличие авторской оценки.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

На основании анализа практического материала были сделаны следующие выводы:

Когнитивную деятельность ученого-лингвиста, который представляет процесс и результаты научно-познавательной деятельности, представляет научный дискурс. Целостность дискурса определяется именно благодаря мыслительной и коммуникативной деятельности говорящего, который делает цельным, определяя обобщенное представление о дискурсе, и выявляя его макро- и микроструктуры. Научный дискурс — это такой тип дискурса, который представляет собой формализованный и структурированный связный текст с достаточно имплицитным проявлением эгопрезентации автора текста. Применение различных эгомаркеров придает его структуре динамику и подчеркивает его субъектную отнесенность, не оставляя без внимания параметры, которые выполняют функцию сохранения особенностей научного стиля.

В нашей работе были выделены три основных формы проявления эгоцентризма в научном дискурсе. В первом случае автор научного текста эксплицитно и имплицитно манифестировал себя через личные местоимения *we* и *I*. Нами были рассмотрены три модели употребления данных личных местоимений, откуда мы можем сделать выводы, что, несмотря на обезличенность и объективность научного дискурса, присутствие автора достаточно четко прослеживается в научных текстах, что придает той или иной научной работе эгоцентрическую направленность. Помимо личных местоимений, как эгомаркеры, нами были выделены модальные слова, которые также указывали на присутствие автора в тексте. Также в нашей работе мы рассмотрели не прямые эгопрезентаторы, которые включают в себя вводные слова, обезличенные конструкции и глаголы умственной деятельности автора научного текста, что также позволяет обратить внимание на антропоцентричность научных текстов.

Эгопрезентация языковой личности рассматривается как категория дискурса, отталкиваясь от его различных языковых проявлений и демонстраций, и как дискурсообразующая категория, которая отражает единство его формы и содержания. Говорящий выполняет в научном дискурсе функции оценки, структуриации и презентации научного знания.

Одной из главных выполняемых функций говорящего как автора научного дискурса является функция презентации научного знания в виде сочетания разных блоков информации. Научный дискурс по своей природе является структурированным знанием. Представление автора о лингвистической проблеме отражается как в концептуальном пространстве дискурса, так и в особенностях его структурной организации. Автор научного дискурса определенным образом структурирует информацию, относительно свободно используя языковые единицы, ставя целью добиться успешной реализации своих прагматических установок. Для говорящего важнейшим и определяющим становится как информативный аспект порождаемого им дискурса, так и возможность воздействия на адресата. А если говорить о презентации научной информации, то структуриация и оценка научного дискурса отличается использованием эксплицитных и имплицитных эгомаркеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью нашей работы было выявление и описание комплекса языковых средств, представляющих категорию эгоцентризма и определение специфики их функционирования в англоязычном научном дискурсе.

Подводя итоги, следует сказать, что мы выполнили основные задачи исследования. Которые заключались в следующем: необходимо было охарактеризовать антропоцентричный подход к исследованию научного дискурса, описать и выделить особенности понятий «эго» и «эгоцентризм», рассмотреть типологию и выделить специфические языковые особенности научного дискурса, выявить основные лексические и грамматические конструкции, отражающие присутствие автора в научном тексте. В настоящее время антропоцентрическая парадигма, укрепив свои позиции в лингвистике, стала методологической основой развития теории эгоцентризма в языковой сфере.

Основными и важнейшими составляющими данной исследовательской работы являются понятия «дискурс» и «эгоцентризм». «Эгоцентризм» мы соотносим с понятием «субъективность», чем данный термин подчеркивает актуальность ориентированности языка на субъект речи, в первую очередь, на его «я» («ego»). В своей работе мы брали за основу определение «эго» («я») в значении языковая личность, говорящий, субъект дискурсивной деятельности, а эгоцентризм - как отношение дискурса к производителю речи, говорящему.

Тема нашей исследовательской работы напрямую связана с теорией языковой личности, которая, на наш взгляд, считается логическим развитием концепции языка, основанной на эгоцентризме. Данная теория включает в себя одну из концептуальных составляющих эгоцентризма — языковую личность как автора текста и индивидуума. Эгоцентрическая концепция языка непосредственно связана с теорией дискурса, так как автор текста (говорящий) может быть охарактеризован на основе анализа произведенных им текстов.

«Дискурс», как не менее важная составляющая исследования рассматривается нами в культурно-ситуативном его понимании, при котором акцент делается на вопросы, непосредственно связанные с порождением и пониманием текста, то есть текста, погруженного в ситуацию общения.

В классическом определении дискурса на первый план выходит понимание его как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, взятый в событийном аспекте. Считается, что такая трактовка понятия «дискурс» (как процесса и результата) позволяет рассматривать понятия «дискурс» и «текст», не противопоставляя их друг другу.

Выбранный мной в данной исследовательской работе прагматический подход к изучению научного дискурса дает возможность соотнести его, в первую очередь, с автором. Дискурсу, что представляет собой процесс получения говорящим научной информации, так или иначе, присущи субъективность автора текста. Одной из целей дискурсивной деятельности говорящего является презентация какого-либо знания, но также нельзя не упомянуть такую его цель, как представление своего мнения, взгляда на решение проблемы, на критическое отношение к результатам исследований своих предшественников. Кроме того, автор стремится сделать новое, полученное им знание достоянием научной общественности. Именно эти цели говорящего определяют структурную организацию и степень эгомаркированности дискурса.

Научный дискурс, как объект нашего исследования, определяется мной как связный текст, организованный с помощью языковых единиц, избранных говорящим для достижения определенных прагматических целей и как текст, включающий в себя как объективность, так и субъективность изложения, а также, отличающийся ориентированностью на говорящего.

Как один из видов дискурса, научный дискурс представляет процесс и результат научно-познавательной деятельности ученого-лингвиста. В научном дискурсе говорящий не только представляет научную информацию, но и манифестирует себя. Автор текста обеспечивает смысловую и коммуникативную его целостность (когерентность, интенциональность) и

структурную связность дискурса (когезия). Исходя из этого, мы рассматриваем «его» языковой личности как дискурсообразующую категорию.

В своей работе говорящего мы характеризуем с разных сторон: с точки зрения его функций и в аспекте его эгорепрезентации.

В первой главе, посвященной антропоцентрическому подходу к дискурсу, выделяются основные функции автора текста в научном дискурсе. Презентационная функция связана, прежде всего, с информативным аспектом. Выполняя репрезентативную функцию, автор, актуализируя процесса научного поиска и хода мыслей, манифестирует себя. В структурной организации можно проследить творческую индивидуальность автора научного дискурса, который способствует выражению позиции автора по исследуемой проблематике и проблеме, отношения к результатам научной деятельности предшественников или коллег и т.д. Структурная организация дает возможность репрезентировать весь объем профессиональной компетенции и культурной памяти, что имеет значительный вес по отношению к эгорепрезентации автора.

Следует отметить, что разные части структуры научного дискурса отличаются разной степенью эгомаркированности. Предисловие, вводная часть, где ставятся цель и задачи, осуществляется полемика с предшественниками, формулируется гипотеза, а также заключение, более всего обладают ярко выраженными признаками эксплицитной эгорепрезентации. Говорящий выполняет в научном дискурсе функцию структуризации, презентации, оценки и, используя различных дискурсивные элементы, репрезентирует себя.

Вторая глава дипломной работы посвящена выявлению различных форм эгорепрезентации в научном дискурсе. Главным в данной части работы является характеристика автора научного текста как прагматической категории, обладающей сложной структурой и представленной комплексом языковых средств, что характерно для такого типа категорий. Нами были рассмотрены и проанализированы в количестве 23 экземпляров научные юридические статьи, взятые из зарубежного электронного научного журнала «Sage».

В данной работе мы определили, что в числе языковых средств выражения говорящего основным является местоимение «I», которое выступает как основа эгоцентризма. Несмотря на то, что категориальным значением местоимения «я» является регулярное обозначение говорящим самого себя, в научном дискурсе использование эгомаркера «I» регламентировано и индивидуально. Эксплицитным эгомаркером «I» говорящий репрезентирует себя, свою позицию, свободу от условностей, при этом невольно или сознательно маркирует свои социальные, психологические и индивидуальные характеристики. Местоимение «we» обладает наиболее значительным прагмасемантическим потенциалом в научном дискурсе английского языка.

Также к эгоцентрическому полю научного дискурса относятся оценочные предикаты, обобщенно-личные, неопределенно-личные и безличные предложения и пассивные конструкции, модальные слова, которые соотносятся с основной эгоцентрической координатой «I».

Степень эксплицитной эгомаркированности научного дискурса зависит от типа речи, жанра, содержательных особенностей научного дискурса, а также социально-статусных и индивидуально-личностных характеристик автора. В нашей работе был выделен жанр научной статьи, исходя из этого, была дана характеристика данному жанру научного дискурса, рассмотрены его особенности и отличительные черты. Жанр статьи представляет собой «ядерный» или же основной жанр научного дискурса наравне с монографией. Статья также определяется как гибкий и свободный жанр, который не ограничивает субъект речи, так как он не ограничен какими-либо коммуникативными намерениями.

Научный дискурс английского отличается как универсальными, так и специфическими признаками. В английском научном дискурсе использование эгомаркера «I» зависит в основном от индивидуально-личностных характеристик ученого-лингвиста.

Итак, ориентированность на автора научного текста проявляется не только в когнитивном и оценочном пространстве дискурса, но и в особенностях

его структурной организации. Автор текста представлен в научном дискурсе целым комплексом языковых средств, составляющих функционально-семантическое поле.

Для научного дискурса английского языка характерны как универсальные, так и специфические признаки эгореференции. Общей особенностью научного дискурса в исследуемых языках является насыщенность эксплицитными эгомаркерами определенных жанров (рецензия, отзыв) и структурных частей дискурса (введение, заключение, формулировка гипотезы исследования и аргументов).

В центре языковых репрезентаций говорящего в исследуемых лингвистических традициях стоит местоимение «I», функционирование которого в дискурсе достаточно индивидуально, тогда как местоимение «we» обладает наиболее значительным прагмасемантическим потенциалом.

Специфику лингвистических традиций составляет то, что прямая эгореференция с использованием местоимения «I» в английском языке встречается значительно чаще. В целом эгоцентрические единицы в научном дискурсе выступают как дискурсивные элементы, обеспечивающие когерентность и когезию дискурса и определяющие динамичность его структуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. 2009. №5. С.24-32
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М: КомКнига, 2007. 144 с.
3. Гергокаева Д.Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса: на материале русского, английского, карачаево-балкарского языков; Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2008. 181 с.
4. Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. М., 2004. №2. С. 57-67.
5. Большой толковый словарь русского языка СПб: Норинт, 2000. 348 с.
6. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Воронеж, 2012. 432 с.
7. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта, 2009. 224 с.
8. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Перевод с англ. яз. под. ред. Звегинцева В.А. М., Прогресс, 1978. 544 с.
9. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20
10. Кубрак Т.А. Вербальная самопрезентация в научном дискурсе / Т. А. Кубрак // Психолингвистика. 2009. Вып. 4. С. 56-63
11. Кубрак Т.А. Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации: автореф. дисс. ... канд.псих.наук. 10.02.19. М., 2009. 13 с.
12. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
13. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2006. 392 с.

14. Милевская Е.Д. Дискурс, речевая деятельность, текст // Сборник научных трудов «Теория коммуникации и прикладная коммуникация». Вестник Российской коммуникативной ассоциации, выпуск 1 / Под общей редакцией И.Н. Розиной. Ростов н/Д: ИУБиП, 2013. 200 с. С. 88–91.
15. Пикулева О.А. Классификации самопрезентации личности: теоретические основания и проблемные аспекты // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 1 (Том 5). С. 63-70
16. Полесюк Р. С. Обучение иноязычному полилогическому общению студентов лингвистических специальностей: английский язык как второй иностранный, языковой вуз: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Р. С. Полесюк. Томск, 2007. 21 с.
17. Салимова Л.М. Картина мира в русскоязычной публицистике Башкортостана // Вестник Башкирского университета. 2011. № 3-1 (том 16) С. 977-980.
18. Соловьева Н.В. Стратегии презентации коммуникантов в текстах научных дискуссий // Российская и зарубежная филология. 2009. №1. С. 29-37
19. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): дисс. ... докт. филол. наук. - Волгоград, 2010. 432 с.
20. Толмачева Т. А. Методика обучения студентов коммуникативным стратегиям иноязычного речевого поведения в повседневных ситуациях межкультурного общения: языковой вуз, английский язык: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Т. А. Толмачева. Горно-Алтайск, 2009. 243 с.
21. Чалдини Р.Б., Кенрик Д., Нейберг С. Новейшая психологическая энциклопедия. Психологический атлас поведения человека. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 576 с.
22. Шленкер Б. Межличностные процессы, включающие регуляцию и контроль впечатления // Реферативный журнал. 2013. № 12. С. 4.

23. Янчук В.А. Методология и методы научного исследования в психологии и социальных науках. Минск: Изд-во Академии последиplomного образования, 2011. 373 с.
24. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 136-137 с.
25. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-ое изд. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
26. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993.
27. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. - 447 с.
28. Березин С.В., Лисецкий К.С., Серебрякова М.Е. Словарь психологических терминов [Электронный ресурс] // Эгоцентризм. 2002. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/22/word/yegocentrizm> (дата обращения: 21.05.2016).
29. Берестнев Г.И. Самосознание личности в зеркале языка: автореф. дис. док. филол. наук: М., 2000. 20 с.
30. Берестнев Г.И. Самосознание личности в зеркале языка: Автореф. дис. док. филол. наук. М., 2000. 20 с.
31. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М., 1963. Т. 2.
32. Бос Д., Майер Р. Подход к анализу научной дискуссии // Иностранная психология. 1993. Т.1. № 2.
33. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка М.: Прогресс, 1993. 501 с.
34. Ваулина, С.С. К вопросу о модальности сложных предложений /С.С. Ваулина, Н.В. Старовойтова // Семантика: слово, предложение, текст. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007, С. 96 – 105.
35. Вендина Т.Н. Живая речь и художественная словесность [электронный ресурс] // Слово как "архетип культуры". 2004.

- URL:<http://www.booksite.ru/fulltext/pos/ele/nie/phe/nom/en/25.htm> (дата обращения: 20.05.2015).
36. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
 37. Гуреев В.А. Проблема субъективности в когнитивной лингвистике // Изв. РАН. сер. Лит-ры и языка, 2005, Т. 64. №1. С. 3-9.
 38. Гуреев В.А. Проблема субъективности в когнитивной лингвистике // Изв. РАН. сер. Лит-ры и языка, 2005, Т. 64, №1. С.3-9.
 39. Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. М.: 2004. №2. С. 57-67.
 40. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. М. : Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
 41. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
 42. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
 43. Кемеров В.Е. Философская энциклопедия «Панпринт», 1998. 237 с.
 44. Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск, 1992. 212 с.
 45. Кубрак Т.А. Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации: автореф. дис ... канд.филол. наук 10.02.19. Москва, 2009. 26 с.
 46. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: сб. науч. статей / под. ред. Степанова Ю.С. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 144-238
 47. Лаптева О.А. Способы выражения авторского «я» в научной речи // Язык научной литературы: Тез. докл. и сообщ. XX науч.-метод. конф., 30 июня – 2 июля 1975 г. М., 1975. 20 с.

48. Милевская Т.Н. Дискурс и текст: проблема [электронный ресурс] // Тенёта. 2002. URL: <http://www.teneta.ru/rus/me/milevskat-discourseandtextdfn.htm> (дата обращения: 20.05.2016).
49. Никитина Л.Б. [электронный ресурс] // Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира: 2011. URL: http://modernlib.ru/books/larisa_borisovna_nikitina/kategorialnie_semanticheskie_cherti_obraza_homo_sapiens_v_russkoy_yazikovoy_kartine_mira/read_1/ (дата обращения 20.05.2016)
50. Новая философская энциклопедия [электронный ресурс] // «я»: URL: <http://www.term.ru/dictionary/879/word/ja> (дата обращения 20.05.2016)
51. Погудина Э.Б. Выражение авторского «я» в немецкой научной речи: (диахронический аспект): автореф. дис... канд. филол. наук Одесса, 1983. 27 с.
52. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М.: Терра, 2000. 464 с.
53. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки [Электронный ресурс] URL: www.courier.com.ru/pril/posobie/parst.htm (дата обращения: 13.05.2016)
54. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М., 1988. 151 с.
55. Сковородников А.П. Диалогизация монологической речи // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 157-158.
56. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. М.: Наука, 1981. 360 с.
57. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья к книге Э.Бенвениста «Общая лингвистика». М., 2002. 13 с.
58. Шмелева Т.В. Императивные речевые жанры. // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник/ Под ред. Иванова Л.Ю., Сковородникова А.П., Ширяева Е.Н. и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.

59. Шмелева Т.В. Императивные речевые жанры // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
60. Язык и личность. М.: Наука, 1989. 216 с.
61. Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол// Принципы типологического анализа языков различного строя. М.,1972. 95-113 с.
62. Bones M.F. Research Ethics Review, Edinburgh. Vol 3, No 3. 2007.P. 97–100
63. Bonnie R. J., Scott E.S. The Teenage Brain: Adolescent Brain Research and the Law, Current Directions in Psychological Science 22(2), 2013. P. 158 –161
64. Chanin J. M. The Underexplored World of Remedial Law in Public Administration Scholarship: An Examination and Proposed Research Agenda, Administration & Society, Vol. 46(3), 2014. P.276 –300
65. Cock J. From Servants to Workers: South African Domestic Workers and the Democratic State, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. 228 p.
66. Ginsburg T., Miles T.J. The Teaching/Research Trade-Off in Law: Data From the Right Tail Evaluation Review Vol. 39(1), 2015. P.46-81
67. Jameel Ahmad J. Stylistic Features of Scientific English: A Study of Scientific Research Articles, Vol. 11(3), 2015, P.258-276
68. Laurence D. R. Guide, guide thyself: law and order in clinical research, University of London, 2008. 19 p.
69. Lawman J., Palys T. The ethics and law of confidentiality in criminal justice research: a comparison of Canada and the US, International Criminal Justice review, Vol. 11, 2001. P.110-114.
70. Mears D. P. A critique of waiver research, Youth Violence and Juvenile Justice, Vol. 1 No. 2, April 2003. P. 156-172.
71. Meese J. User production and law reform: a socio-legal critique of user creativity Media, Culture & Society, Vol. 37(5), 2015. P. 753 –767.

72. Perlin M. L., Cucolo H., Ikehara Y. Online Mental Disability Law Education, a Disability Rights Tribunal and the Creation of an Asian Disability Law Database. *Asian Journal of Legal Education*, 2014. P.287-301.
73. Senn, C.Y.. Education on resistance to acquaintance sexual assault: Preliminary promise of a new program for young women in high school and university. *Canadian Journal of Behavioural Sciences*, 2012, P. 345-360
74. Senn, C.Y., Eliasziw, M., Barata, P.C., Thurston, W.E., Newby-Clark, I., Radtke, L., Hobden, K.L. & SARE team. Sexual violence in the lives of first-year university women in Canada: no improvements in the 21st century. *BMC Women's Health*, 2014. P. 134-146
75. Yu H.H. An Examination of Women in Federal Law Enforcement: An Exploratory Analysis of the Challenges They Face in the Work Environment, *Feminist Criminology*, Vol. 10(3). 2015. P. 259 –278